

В.Е. Красовский, А.В. Леденев

Тема поэта и поэзии в лирике Пушкина

Пушкин — создатель *лирической концепции творчества*. В ней он выразил свои представления о месте поэта в мире, о взаимоотношениях поэта и общества, о творческом процессе. Основные вехи этой концепции, главные опоры пушкинского «памятника нерукотворного», — поэтические манифесты «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), «Поэт» (1827), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830), «Эхо» (1831). Обратите внимание на то, как пушкинская концепция поэта и поэзии разворачивается во времени. Каждое новое стихотворение не только обнаруживает новый аспект темы, но и «подхватывает» идеи и образы предшествующих, развивает и углубляет их.

В мудрой «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...») именно с творчеством поэт связывает грядущие «наслажденья», которые помогут ему преодолеть усталость от жизни, настроения тоски и отчаяния:

И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...

Первыми несомненными альтернативами «труда», «горя» и смерти он считает «гармонию» и «вымысел». Вслед за ними — любовь с ее «улыбкою прощальной». Творчество вернет его в мир молодых чувств и надежд, напомнит о том, что жизнь состоит не только из страданий, но и из радости, светлых слез, вдохновения, любви.

Стихотворение «Поэт» — квинтэссенция пушкинских размышлений о сущности поэта. Поэт предстает в стихотворении сложным существом, отмеченным Богом, Наделенным частью его творческой силы, но в то же время обычным, земным человеком. Автор вполне допускает даже то, что поэт может быть «всех ничтожней» среди «детей ничтожных мира». Перемены начинаются в нем лишь тогда, когда Бог посылает ему вдохновение. Поэт преображается — это уже не один из многих людей, втянутых в повседневную суету, а человек необыкновенный: его слух становится чутким, он способен слышать «божественный глагол». Прежнюю жизнь поэт оценивает как «забавы мира», людская молва его угнетает — он готовится произнести новые слова о мире. Это уже не молва, а слова поэта, в которых нет ничего обыденного, пошлого. Просыпается его душа:

Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Он становится гордым, «диким и суровым», то есть погружается в себя, в свои творческие думы. Поэт не может творить, находясь среди обычных людей, в мирской суете. Вдохновение требует одиночества, свободы от повседневности. Вспомним замечательные слова из стихотворения «19 октября» (1825):

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво...

Поэт бежит от мирской суеты «на берега пустынных волн, / В широкошумные дубровы...» Конечно, берега и дубровы, куда устремлен поэт, — поэтическая условность. Эти «географические» точки — символы покоя и уединения. Поэт бежит от суеты, чтобы стал «звучнее голос лирный, / Живее творческие сны». Услышать мир и выразить его в слове можно только вдали от людского шума и мелких житейских забот. Позднее, в *стихотворении «Эхо» Пушкин создал емкую метафору поэта, в которой выразил закон его существования в мире: поэт — эхо мира — слышит и отражает все его звуки, но самого поэта не может выразить никто*.

Пушкин как бы «останавливает мгновенье» — перед нами поэт, запечатленный в момент вдохновения: он «и звуков и смятенья полн». Здесь нет зрительного образа. Его заменяют психологические детали, передающие начало творческого процесса, когда в душе поэта, охваченной «смятеньем» мыслей и чувств, теснятся хаотичные, нестройные звуки.

Яркая картина преобразования поэта, только начальные мгновения которого запечатлены в «Поэте», создана в «Осени» (1833). Последние строфы стихотворения — акт творческого самосознания поэта. Здесь перед нами «тайное тайных» его души — процесс творчества. Он начинается не тогда, когда поэт «забывает мир», «усыпленный» своим воображеньем. Исток творчества — восприятие осенней природы. Поэт впитывает ее красоту и тленность:

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

Параллели между тем, что происходит в природе, и состоянием души человека нередки в пушкинской лирике (см., например, стихотворения «19 октября», 1825; «Зимнее утро», 1829). В каждом времени года поэт открывает для себя что-то личное. Зима, весна, лето, осень — это как бы страницы «календаря» его души. В первых строфах «Осени» — «парад» всех четырех времен года. Но именно осень, в которой умирание соединено с нетленной красотой, становится для поэта символом единства жизни и смерти, символом гармонии. Это живой, динамичный символ: ведь в осени таинство смерти неотделимо от таинства рождения. Поэт как бы застаёт природу в момент ее высшего торжества — в момент «творчества» — и ощущает себя частью неуправляемой силы, рождающей гармонию. Повинуясь творческой мощи природы, поэт становится «громадой», рассекающей «волны» мирового хаоса, «кораблем», плывущим к заветной цели — «союзу высоких звуков, чувств и дум »:

И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем...

А что же произойдет с поэтом дальше, после того, как двинется «громада» его воображения? Многоточие, которым завершается стихотворение «Поэт», и графическая пауза (ряды точек) в «Осени» позволяют предположить, что впереди не только волнующее и мучительное — создание произведения. Впереди — возвращение к людям, к обычной суетной жизни. Жизнь поэта — череда уходов от людей и возвратов к ним. Он уходит от людей в мир своих поэтических снов, в мир творчества. Он возвращается, чтобы вновь уйти. В жизни этого необычного человека вновь и вновь повторяются эти два состояния. Поэт, подчеркнул Пушкин, — существо двуприродное: он связан с землей, но он же, как сказано в стихотворении «Поэт и толпа», — «сын небес». Земное слито в нем с небесным, с тем, что даровано Богом. Пушкин пишет об этой «двойной» природе поэта как о некоем несомненном законе. В стихотворении «Поэт» нет ни сожалений о тяготах земной жизни поэта, ни романтической его идеализации.

Пушкин написал о своем идеале поэта, о том, каким должен быть настоящий поэт. Узкое, «биографическое» прочтение обедняет смысл стихотворений «Поэт», «Поэт и толпа», «Поэту». Обратите внимание, как часто Пушкин использует аллегорические образы: «лира», «священная жертва», «Аполлон», «алтарь», «треножник»; архаизмы: «глагол», «бряцал», «внимал» и другие. Они создают впечатление, что его поэт — вне времени.

Знаменитое стихотворение «Пророк», написанное в 1826 году по дороге из Михайловского в Москву, куда опальный Пушкин ехал для встречи с царем, по традиции рассматривается в ряду стихотворений о поэте и поэзии. Действительно, в представлении

романтиков поэт и пророк сливались в одном человеке. Пушкинская трактовка проблемы существенно иная.

Поэт и пророк, образы которых созданы в пушкинской лирике, имеют немало общего («вещие» зрение и слух) и одинаково важны для людей. Бог — и никто другой — призывает обоих к служению. Они дополняют друг друга. Но все-таки пушкинский пророк и пушкинский поэт не сливаются в одном существе. Поэт живет среди людей, пока не захвачен вдохновением. Только для творчества он оставляет людей. Попробуйте представить пророка «в заботах суетного света»! Не кощунством ли будет считать его самым «ничтожным» среди «детей ничтожных мира»? От поэта-пророка, посредника между Богом и людьми, исполнителя воли Бога, люди ждут огненных слов. Бог посылает пророка в мир, чтобы тот «глаголом» жег людские сердца, то есть передавал в слове жар своего сердца (оно — «уголь, пылающий огнем»).

Пророки ждут от людей внимания и понимания. Люди внемлют пророкам «в священном ужасе», разгадывают смысл их слов. Так ли слушают поэта? Думал ли Пушкин, создавая образ поэта, о том, что поэт является людям в облике пророка? Пророк — величественное порождение Бога. Это человек, который вознесся еще при жизни выше людей, — у него все не такое, как у них: зрение («вещие зеницы»), слух (он слышит весь мир «по вертикали», все звуки вняты ему), язык («жало мудрья змеи») и сердце («уголь, пылающий огнем»). Он посланник Бога на земле, исполнитель его воли.

Сердце поэта не уголь, пылающий огнем, — это обычное, «трепетное», человеческое сердце. Он «волнует, мучит, как своенравный чародей», сердца других людей. «Чернь тупая» сама говорит об этом в стихотворении «Поэт и толпа». «Волнует», «мучит», а не жжет, не опаляет словом истины! С языка поэта срываются «звуки сладкие» (прекрасные, гармоничные) и молитвы. Поэт гибок: звуки его голоса могут быть не только нежными и чарующими, но и гневными, беспощадными. Он может хлестать толпу «Ювеналовым бичом» сатиры:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий...

Слова, с которыми обращается поэт к людям, — многоцветны. Они отражают его мир, в котором гармония рождается из хаоса и «лирического волнения». Самое главное: у поэта есть то, в чем отказано пророку, — собственная воля, он не является исполнителем воли Бога. Бог, наделяя поэта частицей своей творческой силы, избирает его для другого «подвига благородного» — для творчества.

Пророка и поэта роднит способность видеть мир таким, каким его никогда не увидит простой человек: они оба видят его скрытые, тайные стороны. Но пророк не использует это всеведение для творчества, для поэта же всеведение — только первый этап, начало творчества, первый шаг по дороге, ведущей к гармонии и красоте. *Пророк «поправляет» мир — поэт отражает мир. Пророк несет людям слово Божие — поэт создает свои слова. Они оба обращаются к людям, открывая им правду о земле и небе.*

Творческую свободу Пушкин всегда считал условием существования истинного поэта. Стихотворение «Поэт и толпа» — отповедь «толпе», «черни», покушающейся на свободу поэта, пытающейся навязать ему свои представления об искусстве. Заметим, что именно неуважение к свободе творчества стало для Пушкина основным критерием отношения к тем, кто воспринимает и оценивает его стихи. «Толпа», «чернь тупая», «бессмысленный народ» — люди, которые стремятся ограничить творческую свободу, грубо вмешиваясь в творческий процесс, наставляя поэта, о чем и как он должен писать. Пушкин не уточняет, какие социальные слои они представляют. Он создает обобщенный портрет публики, берущейся судить о том, чего она не может или не хочет понять. В черновиках второй главы «Евгения Онегина», писавшейся в 1824 году в Одессе, есть

строки, помогающие понять смысл слов «толпа», «чернь» в программных стихотворениях Пушкина:

Но что ж: в гостиной иль в передней
Равно читатели черны,
Над книгой их права равны,
Не я первой, не я последний
Их суд услышу над собой —
Ревнивый, строгий и тупой.

Пушкин твердо придерживался принципа профессионального отношения к публике, выработанного ранее: «не продается вдохновенье, / Но можно рукопись продать». Голос «певца» должен быть слышен и внятен публике, она должна испытывать силу его «добрых чувств». Но малейшие попытки вмешаться в процесс творчества вызывали резкую отповедь поэта.

В сонете «Поэту» Пушкин утверждает: *поэт заканчивается тогда, когда начинает творить с оглядкой на мнение «толпы»*. Никто не должен вторгаться в мир поэта. Это мир пустынный, «безлюдный». В нем только одна дорога, по ней не может пройти обычный человек, «непосвященный», — ее пролагает сам поэт. В конце дороги — «плоды любимых дум», добытые «подвигом благородным»:

Ты царь: живи один.
Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Все награды — в самом поэте. Он «жалует» себя строгостью, взыскательностью. Поэт, подчеркивает Пушкин, должен судить себя «высшим судом». Отметим эпитет «высший». Суд поэта — «высший суд», но это вовсе не означает, что Пушкин отвергает возможность всякой другой оценки поэта — читателями, критикой. Каждый имеет право высказать свою точку зрения о произведениях поэта, но никто не имеет права навязывать ему свое мнение, требовать от него неукоснительного соблюдения законов и правил, продиктованных «судом глупца». Если поэт доволен своим произведением (а это может быть «приговором» «высшего», самого строгого и пристрастного — собственного! — суда), ему кажутся смешными все попытки толпы охаять его. Она не сможет осквернить поэта, внушить ему недоверие к самому себе:

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Твердость, решительность, взыскательность, презрение к «суду глупца», к наградам и почестям — вот те качества, которые Пушкин считает обязательными для всех поэтов. Поэт слышит весь мир и должен быть глух только к мнению «непосвященных».

Именно верность этим принципам ведет поэта к бессмертию. Оглядываясь на свой творческий путь в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836), Пушкин был особенно горд тем, что соответствовал высокому идеалу поэта, провозглашенному в поэтических манифестах. «Слово» и «дело» поэта совпали. Чеканная последняя строфа стихотворения подводит итог пушкинским размышлениям о свободе и звучит как завещание Русской поэзии:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.